

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2026_3_6

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СИСТЕМА ПРАВА

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье критически переосмысливаются подходы, существующие в юридической литературе в отношении использования цифровых технологий в праве. Отмечается наличие крайних суждений в отношении перспектив технологизации правовой сферы, совершенствования существующей системы права с помощью искусственного интеллекта и других новаций. Обсуждаются три вектора развития, преобразования права в связи с технологической революцией: возможная дегуманизация права, алгоритмизация права, индивидуализация (персонификация) правового регулирования. Также предметом анализа являются теоретические проблемы, социальные риски, иные негативные последствия осуществления технологической революции в праве. По мнению автора, целью применения технологических новаций должно быть не вытеснение человека из правовой сферы роботами, киборгами, искусственным интеллектом, не дегуманизация права, а содействие дальнейшему движению общества по пути правового прогресса.

Ключевые слова: система права, технологический уклад, искусственный интеллект, машиночитаемое право, цифровые технологии

Для цитирования: Архипов С. И. Цифровые технологии и система права // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2026. № 3. С. 6–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2026_3_6.

DIGITAL TECHNOLOGIES AND THE LEGAL SYSTEM

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article critically rethinks the approaches existing in the legal literature regarding the use of digital technologies in law. It is noted that there are extreme judgments regarding the prospects of technologizing the legal sphere, improving the existing legal system with the help of artificial intelligence and other innovations. Three vectors of development and transformation of law in connection with the technological revolution are discussed: possible dehumanization of law, algorithmization of law, individualization (personification) of legal regulation. Theoretical problems, social risks and other negative consequences of the technological revolution are also the subject of analysis. According to the author the purpose of applying technological innovations should not be to oust humans from the legal sphere by robots, cyborgs, artificial intelligence or dehumanize law, but to promote the further movement of society along the path of legal progress.

Key words: legal system, technological structure, artificial intelligence, machine-readable law, digital technologies

*For citation: Arkhipov S. (2026) Digital technologies and the legal system. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 6–13, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2026_3_6.*

Научно-технический прогресс, новые «цифровые» технологии, появившиеся в конце XX – начале XXI в., оказывают заметное влияние на всю правовую сферу: на правовое сознание, правовые отношения, законотворческую и правоприменительную деятельность, систему правовых норм. Как утверждает В. Д. Зорькин, «подобно тому, как правила дорожного движения, рассчитанные на регулирование езды на лошадях, сменились правилами автомобильного движения, правилами авиаперевозок и космических полетов, так и сегодня зарождается новое право – „право второго модерна“, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта»¹. Если двадцать-тридцать лет назад практикующим юристам и законодателю казалось невероятным предположение, что законы приобретут цифровой вид, будут «упакованы» в программный код, то уже в настоящее время это становится правовой реальностью. Еще более фантастическим несколько десятилетий назад для юридической общественности представлялось создание и проникновение в право искусственного интеллекта, способного осуществлять некоторые виды юридической деятельности.

Юристы по-разному оценивают перспективы применения цифровых и иных технологий в целях совершенствования, прогрессивного развития права. Многие до сих пор с осторожностью относятся к технологизации правовой сферы, кардинальному преобразованию права, ограничиваясь констатацией появления в системе права некоторых новых структурных элементов («цифровое право», «право искусственного интеллекта», «право киберпространства» и т. д.). Однако есть и другие, более радикальные позиции по поводу возможной трансформации права в условиях нового формирующегося технологического уклада. Так, по мнению В. Н. Синюкова, «современная промышленная революция, впервые за всю условную историю всех промышленных революций, рождает условия для подлинной революции права»; «впервые в истории права новые технологии стали напрямую влиять на сам характер права»², право, по его убеждению, преобразуется в трансчеловеческий, технико-человеческий регулятор, оно становится бессубъектным, обезличенным.

Схожих взглядов придерживается Т. Я. Хабриева. В соответствии с ее представлениями научно-технологическое развитие оказывает беспрецедентное давление на право, «аналогичную по значимости трансформацию право переживало только однажды – в период перехода от его устной (вербальной) формы к письменной»³. В настоящее время возникает новая правовая реальность, которая не имеет исторических аналогов и нуждается в глубоком научном осмыслении. Прежние технологические революции, с точки зрения Т. Я. Хабриевой, оказывали только внешнее воздействие на право, способствуя его эволюции; нынешняя же революция способна существенно повлиять на внутреннее развитие права, стать важным фактором глубинных, кардинальных преобразований правовой сферы⁴.

Оценивая влияние новой технологической революции на право, Т. Я. Хабриева выделяет три вектора развития, преобразования права как системы социального регулирования: 1) дегуманизация права; 2) алгоритмизация права (в основе которой лежат процессы автоматизации, информатизации и цифровизации правового регулирования); 3) индивидуализация (персонификация) правового воздействия.

Процесс дегуманизации права связывается с попытками признания правосубъектности «цифровых сущностей», технических устройств (роботов), киборгов, с появлением неизвестных ранее правовых феноменов – субъект-объектов. В результате данного процесса происходит стирание фундаментальных различий между субъектами и объектами права, что приводит к нивелированию ценности личности, человека

¹ «Право в цифровом мире». Выступление Валерия Зорькина на ПМЮФ // Ассоциация юристов России. URL: <https://alrf.ru/news/pravo-v-tsifrovom-mire-vystuplenie-valeriya-zorkina-na-pmyuf/?ysclid=mkxrpv3145865720671> (дата обращения: 25.01.2026).

² Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 11. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.

³ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 13–14.

⁴ Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М.: Норма: ИНФРА-М; Рос. акад. наук, 2026. С. 33–34.

в праве. Пока дегуманизацию еще рано признавать состоявшимся трендом в эволюции права¹.

Второй вектор развития права Т. Я. Хабриева связывает с расширением использования в праве алгоритмов, применяемых в программировании, – программных кодов. В зарубежной литературе роль и значение программных кодов как особого рода регуляторов обсуждаются давно. В частности, известный американский правовед Л. Лессиг еще в конце XX в. отмечал важное регулятивное значение программного кода в киберпространстве: «Код – это „закон“ киберпространства»²; разработчики кода становятся в виртуальном мире «законодателями»; код, выполняя ту же работу, что и закон, делает ее более эффективно; по этой причине программный код может потеснить закон, другие социальные нормы в данной сфере социального регулирования³.

Третий вектор развития права – индивидуализация (персонификация) правового регулирования. Персонифицированное правовое регулирование основывается на технологии обработки «больших данных». Значительные массивы информации о конкретных индивидах, их предпочтениях, интересах, поведенческих особенностях учитываются при разработке персонифицированных «правовых норм». При этом Т. Я. Хабриева отмечает условность отнесения персонифицированных правовых предписаний, полученных в результате обработки данных, к разряду норм, поскольку одним из принципиально важных признаков нормы права является то, что она рассчитана на неопределенный круг лиц⁴.

В западной юридической науке данный вектор развития права также выступает предметом оживленной дискуссии. Так, американские правоведы А. Д. Кейси и А. Ниблетт высказывают предположение о возможности появления «микроориентированной» формы законодательства. По их мнению, посредством микродиректив можно адаптировать право к любому возможному сценарию, любой жизненной ситуации. В качестве примера они рассматривают норму, устанавливающую ограничение скорости движения автомобилей в 60 миль в час, а также стандарт – «ведите машину разумно». На основе нормы и стандарта компьютерная программа с учетом погодных и иных условий (стажа водителя, его манеры вождения, времени суток, дорожной ситуации и т. д.) формирует и передает через сеть конкретному водителю микродирективу – ограничить скорость машины до 51,2 мили в час. По их убеждению, микродирективы в будущем станут доминирующей формой права, что приведет к отмиранию правил и стандартов⁵.

На наш взгляд, идея отмирания существующей системы правовых норм, вытеснения их микродирективами, составленными компьютерными программами, весьма смелая и опасная. Право – это мир духа, разума, но не искусственного, машинного, а естественного – человеческого, эмоционально-чувственного, нравственно мотивированного. В праве свобода воли является стержневым элементом, на ней основывается система правовых норм. Когда юристам предлагают заменить правовые регуляторы программным кодом, компьютерными микродирективами, то это попытка уничтожить самое ценное, что есть в праве как институте социальной свободы, – его дух, сущность.

Технологические инновации в случае их использования в вышеуказанных целях могут стать не средством совершенствования, улучшения права, построения свободного и справедливого миропорядка, а одной из причин разрушения исходного ба-

¹ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. С. 83.

² Lessig L. Code and other laws of cyberspace. N. Y.: Basic Books, 1999. P. 6.

³ Ibid. P. 130, 233, 238.

⁴ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. С. 91. В российской юридической литературе существует и другая точка зрения, согласно которой в праве наряду с общими нормами могут быть выделены также индивидуальные нормы, «микронормы», адресатами которых являются конкретные субъекты права. См., например: Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 123–126; Муравский В. А. Роль индивидуальных норм в образовании актуального права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 283–303.

⁵ Casey A. J., Niblett A. The Death of Rules and Standards // Indiana Law Journal. 2017. Vol. 92. Is. 4. Art. 3. P. 1401–1405. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=11261&context=ilj> (дата обращения: 25.01.2026).

зиса права. Идея подчинения человека не правовому закону, а «нейтральному» коду, программной директиве внешне представляется как освобождение его от субъективного произвола государства, законодателя, как торжество «объективного», беспристрастного разума. Однако за этой внешне безобидной оболочкой скрывается новая социальная угроза массового попрания свободы, прав человека – зарождение эпохи технократического рабства.

Цифровые и иные технологии должны служить праву, способствовать правовому прогрессу, развитию правовой свободы, не ограничивая, не ущемляя ее. Микродирективы, которые предлагают узаконить американские юристы А. Д. Кейси и А. Ниблетт, могут быть полезны с точки зрения развития права, если им придать статус рекомендательных положений, а не императивных актов, за несоблюдение которых возможно наступление юридической ответственности. Компьютерные программы, коды должны быть нацелены на технические стороны обеспечения безопасности дорожного движения, но не на свободу воли субъектов права, не на правовые отношения. Они не должны вторгаться в сферу социально-правового регулирования.

На наш взгляд, сама идея дегуманизации права как вектора правового развития должна быть принципиально отвергнута юридическим сообществом. Техносознание, вторгаясь в сферу правотворчества, правового регулирования, несет угрозу основным принципам права, исходным правовым началам: гуманизму, свободе воли, равенству и справедливости, а также фундаментальным правам человека – на свободу, неприкосновенность частной жизни, достоинство личности¹. Юристы должны противопоставить ему свою собственную систему социально-правовых ценностей, свой взгляд на социальное будущее. Для законодателя главным ориентиром при построении системы права должен быть не предмет и не метод правового регулирования, а правовая цель (цели), для достижения которой создается система права².

Цель, лежащая в основе системы права, должна определять правовое будущее страны, а не технические изобретения, не технологический уклад или искусственный разум. Она должна быть путеводной нитью для законодателя и юридического сообщества. Т. Я. Хабриева справедливо полагает, что посредством права можно предвидеть будущее; развивая идею, заключенную в библейской притче о способности слепых ориентироваться во внешнем мире (Евангелие от Луки), она отмечает, что при помощи правовой «трости» человек может преодолеть различные вызовы и угрозы³. Эту идею можно немного переформатировать: право позволяет человеку не только обходить препятствия, избегать социальных потрясений, катаклизмов, но и формировать социальное будущее.

Юристы не должны допускать, чтобы за них проблемы правового развития, социально-правового прогресса решали технические специалисты, а равно экономисты или политики. У «священнослужителей» права должен быть собственный «компас» в социальном мире, ориентир – стратегическая цель социально-правового развития, основанная на понимании и учете интересов нации и всего человечества. Они, как никто другой, должны определять траекторию, векторы трансформации права, устанавливать «русло» технологического развития, правовые рамки и границы использования цифровых и иных технологий. В этом смысле принципиально правильным, разумным представляется риск-ориентированный подход, взятый за основу авторами Акта Европейского союза об искусственном интеллекте (*Artificial Intelligence Act*), принятого в 2024 г., в котором искусственный интеллект определен не в качестве правоспособного субъекта, а как особая разновидность программного обеспечения⁴.

Диаметрально противоположную позицию занимают некоторые российские правоведы, предлагающие признать искусственный интеллект субъектом права – «электронным лицом»⁵. Легитимация данного предложения, на наш взгляд, будет означать

¹ Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. С. 61–62.

² Подробнее см.: Архипов С. И. Система российского права: проблемы развития (часть первая) // Вестник Гуманитарного университета. 2026. № 1. С. 49–63.

³ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. С. 145.

⁴ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council Laying down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52021PC0206> (дата обращения: 25.01.2026).

⁵ См., например: Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 341; Ястре-

поворот в сторону дегуманизации российского права, о чем предупреждает Т. Я. Хабриева, и нивелирования правовой ценности человеческой личности. Аналогия с юридическим лицом, которую проводят сторонники признания правосубъектности ИИ, представляется не совсем уместной, поскольку природа ИИ и юридического лица – организации – совершенно различна: у первого она является технической, у последнего – человеческой. Искусственный интеллект не осознает себя как правовую личность, не способен к самоидентификации. Кроме того, следует учитывать возможные риски автономного правового существования ИИ, а также иметь в виду то обстоятельство, что технологии искусственного разума, по признанию его создателей, несут огромную опасность для человечества.

Чтобы избежать негативных последствий для людей и созданной ими системы права, российскому законодателю необходимо установить жесткие границы использования ИИ в социально-правовой сфере. Искусственный разум не должен подменять человека, законодателя, судью, ему следует доверить выполнение служебных функций, осуществление вспомогательных ролей в правовой коммуникации: содействие законотворчеству, правосудию, договорному регулированию. В целях совершенствования действующей системы права ИИ может быть использован для выявления внутренних противоречий, несогласованностей, существующих между нормативными положениями, для обнаружения пробелов в правовом регулировании. Также его целесообразно использовать для создания механизма обратной связи между законодателем и субъектами права – адресатами принимаемых им норм.

Некоторые идеи, предложения по использованию искусственного разума для создания диалога между государством и гражданами уже обсуждаются в средствах массовой информации, в Российской академии наук, министерствах, ведомствах, а также в Государственной Думе РФ. В частности, в Национальном центре физики и математики РАН к 2030 г. планируется создать систему искусственного мониторинга общественных настроений и реакций на решение властей для выявления «аномалий в психоэмоциональном реагировании сетевых сообществ», психоэмоциональной напряженности, «явных инфлюенсеров, влияющих своими сообщениями на настроение сообществ»¹.

Можно предположить, что уже в ближайшей перспективе искусственный разум станет внешним вызовом для законодателя, постоянным «раздражителем», побуждающим его повышать квалификацию, совершенствоваться, причем с точки зрения не только компьютерной грамотности, освоения технологий ИИ, но и профессиональных юридических знаний, навыков, умений. Развитый, «высокий» искусственный разум предполагает наличие соответствующего уровня «естественного разума» законодателя. ИИ «подталкивает» государство, юридическое сообщество к созданию в будущем профессионального законодательного органа.

Перспективным направлением использования цифровых технологий в праве, на наш взгляд, является создание в России машиночитаемого права. В 2021 г. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права (протокол от 15 сентября 2021 г. № 31). В ней учтен передовой опыт зарубежных стран (КНР, США, Австралии, Казахстана), а также некоторых российских компаний («Сбер», «Мегафон») и государственных органов (Минюст, Минэкономразвития, Правительство Москвы).

В Концепции под машиночитаемым правом понимается основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права. Авторы документа рассматривают машиночитаемое право как один из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм с целью повышения удобства правоприменения для государства, предпринимательского

бов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 49–50.

¹ Химшиашвили П. Экс-глава РАН раскрыл план главных научных разработок на ближайшие 15 лет // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/01/2026/697228669a79475a8096a9fd?ysclid=ml5khtb8wo237671143> (дата обращения: 02.02.2026).

сообщества и граждан. Предполагается использование данной технологии во всех отраслях законодательства Российской Федерации, при этом машиночитаемые нормы согласно Концепции должны дополнять, а не заменять собой нормы, написанные на естественном языке. Одни и те же нормы права, созданные в «цифровом» виде и в обычной форме закона, должны вступать в силу одновременно и иметь равную юридическую силу.

В качестве преимуществ технологии машиночитаемого права в сфере нормативного регулирования авторы Концепции называют: 1) повышение скорости и качества нормотворчества – цифровые технологии позволяют регулятору быстрее реагировать на социальные вызовы, совершенствовать деятельность за счет непрерывного мониторинга процесса правоприменения; 2) снижение влияния человека на нормотворческий процесс, уменьшение возможности человеческой ошибки, принятия неверных или предвзятых решений, т. е. посредством заявленной технологии должны быть обеспечены предсказуемость, определенность, алгоритмичность.

Применение технологии машиночитаемого права влечет определенные риски возникновения конфликтных ситуаций, сбоев в механизме правового регулирования. К их числу авторы Концепции относят, например, возможность возникновения несогласованностей, противоречий, когда «цифровые» нормы могут не соответствовать положениям, содержащимся в законодательном акте (автоматическое исполнение норм права, изложенных на формальном языке, без учета изменений норм права, изложенных на естественном языке); вероятность неверной квалификации событий в связи с отсутствием или минимальным участием в данном процессе человека; сложность перевода норм-принципов в машиночитаемый вид (раздел 5 Концепции).

Эксперты указывают и другие слабые места технологии машиночитаемого права и возможные негативные последствия ее применения: ограниченность технологии степенью развития искусственного интеллекта, отсутствие системы интерпретации машиночитаемых норм (Р. Янковский); то, что предложенная в Концепции технология не учитывает негативный опыт использования системы автоматического применения мер административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, вызывающей серьезные социальные недовольства и воспринимаемой людьми как фискальный механизм поборов (А. Иванов); трудоемкость ручного составления онтологических моделей, неоднозначность трактовки терминов и отношений между ними (В. Наумов); появление у юристов новых задач по защите субъектов права от цифровых сбоев, по исправлению различного рода ошибок, допущенных компьютерными программами, по «утешению» клиентов в связи с наступлением негативных для них правовых последствий (Д. Щекин)¹.

Теоретики права также отмечают целый ряд трудноразрешимых проблем и рисков, которые возникают в связи с созданием машиночитаемого права. Прежде всего, это проблема правовых онтологий, моделирования концептуальных связей предметной области с последующим представлением их в виде кода, а также проблема формализации принципов права, норм, содержащих оценочные категории, специализированных норм права. По мнению Е. А. Березиной, эти виды норм права не могут быть формализованы только с помощью формальной логики². А. В. Корнев полагает, что «цифровая» форма закона несет определенные риски, начиная от его легитимности и заканчивая несанкционированным вмешательством в текст закона в целях его видоизменения³. В более широком плане он отмечает негативную социальную тенденцию: современное общество становится все более «рискогенным» и конфликтным; одна из главных причин – внедрение современных технологий, несущих угрозу нарушения прав, законных интересов субъектов права⁴.

Действительно, теоретические проблемы и реальные социальные угрозы в связи с использованием новых цифровых технологий в правовой сфере существуют. Однако,

¹ Машиночитаемое право: правовой вызов и современность / Р. М. Янковский [и др.] // Закон. 2021. № 10. С. 20–26.

² Березина Е. А. Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 28. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.025-041.

³ Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 19. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020.

⁴ Там же. С. 11.

на наш взгляд, эти проблемы решаемы, угрозы устранимы. Новые технологии необходимо развивать, внедрять в различных видах правовой деятельности, в том числе в законотворческой, но не в качестве альтернативы «естественного разума» законодателя, а как вспомогательное средство, инструмент для дальнейшего совершенствования правотворческого процесса, устранения внутренних дефектов, противоречий, коллизий, других недостатков, существующих в системе российского права. Целью применения технологических новаций должно быть не вытеснение человека из правовой сферы, не дегуманизация права, а содействие дальнейшему движению общества по пути правового прогресса.

Список литературы

Архипов С. И. Система российского права: проблемы развития (часть первая) // Вестник Гуманитарного университета. 2026. № 1. С. 49–63.

Березина Е. А. Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 25–41. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.025-041.

Кашанина Т. В. Индивидуальное регулирование в правовой сфере // Советское государство и право. 1992. № 1. С. 122–130.

Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 11–20. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020.

Машиночитаемое право: правовой вызов и современность / Р. М. Янковский [и др.] // Закон. 2021. № 10. С. 20–26.

Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Муравский В. А. Роль индивидуальных норм в образовании актуального права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 283–303.

Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 9–20. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.

Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 168 с.

Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М.: Норма: ИНФРА-М; Рос. акад. наук, 2026. 144 с.

Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

Casey A. J., Niblett A. The Death of Rules and Standards // *Indiana Law Journal*. 2017. Vol. 92. Is. 4. Art. 3. P. 1401–1447. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=11261&context=ilj> (дата обращения: 25.01.2026).

Lessig L. *Code and other laws of cyberspace*. N. Y.: Basic Books, 1999. 321 p.

References

Arkhipov S. I. (2026) *Sistema rossiiskogo prava: problemy razvitiya (chast' pervaya)* [The System of Russian Law: Problems of Development (Part One)]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 1, pp. 49–63.

Berezina E. A. (2025) *Mashinochitaemyi format yuridicheskikh dokumentov: razrabotka i primeneniye v zarubezhnykh gosudarstvakh* [Machine-Readable Format for Legal Documents: Development and Application in Foreign Jurisdictions]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 20, no. 3, pp. 25–41, DOI: 10.17803/1994-1471.2025.172.3.025-041.

Casey A. J., Niblett A. (2017) The Death of Rules and Standards. In *Indiana Law Journal*, vol. 92, is. 4, art. 3, pp. 1401–1447, available at: <https://www.repository.law.indiana.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=11261&context=ilj> (accessed: 25.01.2026).

Kashanina T. V. (1992) *Individual'noe regulirovanie v pravovoi sfere* [Individual Regulation in the Legal Sphere]. In *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 1, pp. 122–130.

Khabrieva T. Ya. (2025) *Pravo v realiyakh tekhnologicheskoi revolyutsii: monografiya* [Law in the Realities of the Technological Revolution: monography]. Moscow, Norma: INFRA-M, 168 p.

Khabrieva T. Ya. (2026) *Pravovye ocherki tekhnologicheskoi revolyutsii* [Legal Essays on the Technological Revolution]. Moscow, Norma: INFRA-M, Rossiiskaya akademiya nauk, 144 p.

Kornev A. V. (2021) *Tsifrovye tekhnologii, pravovye riski i problema ikh minimizatsii* [Digital Technologies, Legal Risks, and the Problem of Their Minimization]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 16, no. 9, pp. 11–20, DOI: 10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020.

Lessig L. (1999) *Code and other laws of cyberspace*. New York, Basic Books, 321 p.

Morkhat P. M. (2018) *Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Personality of Artificial Intelligence in the Sphere of Intellectual Property Law: Civil-Law Issues: a doctor of legal sciences thesis]. Moscow, 420 p.

Muravskii V. A. (2002) Rol' individual'nykh norm v obrazovanii aktual'nogo prava [The Role of Individual Norms in the Formation of Actual Law]. In *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3, pp. 283–303.

Sinyukov V. N. (2021) Pravo XX i XXI vekov: preemstvennost' i novizna [Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty]. In *Lex Russica*, vol. 74, no. 2, pp. 9–20, DOI: 10.17803/1729-5920.2021.171.2.009-020.

Yankovskii R. M., et al. (2021) Mashinochitaemoe pravo: pravovoi vyzov i sovremennost' [Machine-Readable Law: A Legal Challenge and Modernity]. In *Zakon*, no. 10, pp. 20–26.

Yastrebov O. A. (2018) Pravosub"ektnost' elektronnoho litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody [The Legal Personality of an Electronic Person: Theoretical and Methodological Approaches]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, vol. 13, no. 2, pp. 36–55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026

Дата принятия рукописи в печать: 15.05.2026